

НОВЫЯ КНИГИ.

СТАРИННЫЙ ТЕАТРЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО.

Въ настоящее время, когда радостная вѣсть о дозволеніи открыть дешевый и доступный театръ для народа на время выставки занимаетъ и литературу, и общество; когда объ этомъ вопросѣ дозволились публичныя пренія, когда не въ однихъ кружкахъ любителей драматическаго искусства, но и въ клубахъ, и въ частныхъ домахъ толкуютъ о русской сценѣ, намъ кажется не лишнимъ припомнить, что произвела наша литература по этой части за послѣдніе тридцать-сорокъ лѣтъ. Поводомъ къ этому намъ послужить разборъ книги мало извѣстной, хотя во всѣхъ отношеніяхъ почтенной и заслуживающей вниманіе просвѣщенныхъ читателей.

Странна судьба книги г. Веселовскаго. Скоро два года, какъ она появилась на свѣтъ, но никто не потрудился сказать о ней добраго слова, хотя она замѣчательна и потому уже, что это единственное у насъ сочиненіе, которое обстоятельно говоритъ о средне-вѣковомъ театрѣ. Г. Веселовскій свое изслѣдованіе назвалъ очерками, это скромное названіе не вполне характеризуетъ содержаніе книги, это больше чѣмъ очерки, это почти полная исторія театра нѣсколькихъ вѣковъ въ томъ видѣ, въ какомъ дозволила представить автору слабая разработка этого предмета и скудныя свѣдѣнія, собранныя по этой части не только у насъ, но и на Западѣ.

«Въ обширной области историко-литературныхъ изслѣдованій, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, до новѣйшаго времени второстепенное мѣсто было отводимо изслѣдованіямъ объ историческомъ развитіи

драмы, о томъ обильномъ важнѣйшими моментами процессѣ внутренней ея переработки, который отъ первобытныхъ обрядовыхъ сценъ приводитъ ее къ совершеннымъ образамъ Шекспировскихъ драмъ и, наконецъ, тѣсно сближаетъ театръ съ вседневною жизнью народа въ пору намъ современную. Правдивая исторія начального періода европейскаго театра стала возможна лишь нѣсколько болѣе четверти столѣтія тому назадъ; до этого времени произвольнѣйшія догадки, грубые догадки, сближенія ни на чемъ не основанныя, имѣли безвозбранно право гражданства въ этой области. Въ то время живопись и вагніе имѣли уже своихъ Вазари и Винкельмановъ».

Замѣчаніе совершенно справедливое, съ которымъ всякій, занимавшійся исторіею театра, не можетъ не согласиться. Когда этотъ предметъ такъ новъ и такъ мало разработанъ на Западѣ, въ какомъ же видѣ онъ долженъ быть у насъ? Дѣйствительно, скудость въ нашей литературѣ по этому предмету убійственна. Припомнимъ же то не многое, что произвела наша литература по этой части. Съ появленіемъ журналовъ, посвященныхъ специально театру, съ Репертуаромъ, Пантеономъ начали появляться статьи, въ которыхъ хотя отрывочно и поверхностно говорилось о происхожденіи театра, о его значеніи и о развитіи драмы въ той или другой періодъ. Статьи покойнаго князя Шаховскаго знакомили съ началами греческой трагедіи, статьи Менуева говорили о мистеріяхъ. До этого времени читающая публика пробавлялась учебникомъ профессора Давыдова, составленнаго по Шлегелю. Въ 1849 году пишущій эти строки издалъ опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ. Несмотря на всѣ недостатки книги, она была принята печатью болѣе чѣмъ благосклонно, но успѣха не имѣла и разошлась въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Г. Араповъ посвятилъ цѣлую книгу исторіи русскаго театра; книга г. Арапова болѣе замѣчательна по двумъ портретамъ, его самого и Екатерины Великой, чѣмъ по внутреннему содержанию. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ г. Гарусовъ издалъ тоже большой томъ по исторіи театра. Но эта недобросовѣстная компиляція не имѣетъ никакого литературнаго достоинства и прошла незамѣченною, какъ этого и требовала справедливость. Г. Полевой предметомъ своей диссертациіи избралъ мистерію. Переводъ исторіи маріонетокъ, помѣщенный въ «Отечественныхъ Запискахъ», и интересныя статьи г. Тихонравова, Пекарскаго и О. А. Копи «Русскій театръ и его судьбы» составляютъ почти всю нашу мудрость. Книга г. Веселовскаго много помогаетъ пробѣламъ, которые сквозятъ на этомъ фонѣ.

Начиная говорить о средневѣковомъ театрѣ, намъ придется начать нѣсколько издалека.

Древній міръ и древняя цивилизація падали, съ ними сокрушались и величайшіе памятники искусства, уничтожались житейскія удобства и утонченность. Появившаяся грубость, суровость умягчились только

благотворнымъ вліяніемъ христіанскаго духа. Правильный театръ въ Римѣ палъ еще до христіанства; но небольшія піески, извѣстныя подъ различными именами Ателанъ, Мимъ и пантомимъ продолжали существовать и въ Римѣ и въ провинціяхъ. Въ эпоху паденія искусства всѣ эти произведенія были плохими представителями театра. Разсчитывая на чувствительность, они очень скоро вооружили противъ себя новую церковь. Здѣсь не мѣсто указывать на борьбу христіанства съ язычествомъ,—она была, какъ извѣстно, продолжительна и упорна, и долго послѣ того, когда новая церковь побѣдила и сдѣлалась господствующею, ей приходилось бороться съ языческими нравами, обычаями и зрѣлищами. Потомки тѣхъ римлянъ, которые привыкли кричать—хлѣба и зрѣлищъ, любили свои забавы, и кукольныя комедіи сохранились, какъ полагаютъ, до самого Людовика XI. Тертуліанъ, Кипріанъ и другіе отцы церкви громили театръ; но обычай бралъ свое. Новообращенные часто утро проводили въ церкви, а вечеръ заключали запрещенными зрѣлищами. Чтобы помочь хоть нѣсколько этому злу, духовенство рѣшилось допустить нѣкоторое разнообразіе въ церковномъ богослуженіи,—это и повело къ созданію мистерій.

Маньенъ утверждаетъ, что въ V и VI вѣкѣ начались уже процессіи въ память вшествія въ Іерусалимъ, причеиъ Христа изображалъ одинъ изъ священниковъ, сидяшій на ослѣ,—словомъ, процессіи подобныя нашему *хожденію на ослати*. Вѣроятно, что съ этого же времени начались и другія процессіи столь частыя и обильныя въ католическомъ мірѣ. Первообразъ церковной мистеріи въ старинномъ театрѣ передавъ такъ: на Рождество по среди церкви ставилась модель яслей, окруженныхъ вначалѣ рисованными изображеніями, а затѣмъ статуэтками или подвижными куклами (маріонетками), представляющими Богородицу, пастуховъ, осла и быка; по всей вѣроятности, и младенецъ изображался въ видѣ статуэтки, какъ это впоследствии установилось въ польской *szork'ѣ*, первообразъ нашего вертепа. Наглядное изображеніе событій дополнялось рѣчами клириковъ, изъ-за алтаря, и пѣніемъ духовныхъ кантовъ. Ночь на свѣтлое воскресенье представлялась болѣе образными обрядами: здѣсь дѣйствующими лицами являются уже не маріонетки, а люди. Воскресеніе Христово возвѣщалось священникомъ, костюмированнымъ въ ангела, въ бѣломъ хитонѣ, съ золотымъ сіяніемъ пады головой; двухъ женщинъ: Богородицу и Марію Іаковлю—представляли два молодыхъ священника, закутанные въ плащи *ad similitudinem mulierum*, какъ это указано въ церковномъ обиходѣ. Молодые священники, входя во храмъ, произносили вполголоса и на расиѣвъ: «*quis revolvat obis lapidem*», тогда представляющій ангела вопрошалъ: «*quem quaeritis*?»—Пришедшіе отвѣчали: «*Jesum Nasarenum*», отвѣтъ былъ: «*Non est hic; ite—nuntiate*». Затѣмъ священникъ, обращаясь къ хору, начиналъ гимнъ: «*Surrexit Dominus de sepulchro*», послѣ котораго пѣлось «*te Deum lauda-*

тисъ». Вотъ простая и первобытная форма церковной исторіи. Мы не будемъ слѣдить здѣсь за развитіемъ мистерій,—собственно онѣ и не развивались, а только усложнялись и развѣтвлялись.

Я не знаю, въ какой степени изученіе мистерій относится къ исторіи театра. По моему мнѣнію, мистеріи первыхъ періодовъ, когда онѣ представлялись въ церквахъ, въ церковныхъ оградахъ и на кладбищахъ, вовсе не интересны и не имѣютъ ничего общаго съ театромъ. Даже мистеріи послѣдней эпохи, когда онѣ, изгнанныя даже съ кладбищъ, появились на городскихъ площадяхъ и навсегда распространились съ латынью, дали мало матеріаловъ для новой драмы. Для современной сцены и эпохъ ей предшествующихъ гораздо большее значеніе имѣютъ исторія маріонетокъ и драматическія прозведенія труверовъ, какъ вѣрное изображеніе современныхъ нравовъ и народной поэзіи. Трубадуры ничего не сдѣлали для драмы. Трубадуръ—дитя деревни и вассалъ,—воспѣвалъ красоту своей милой, или рассказывалъ подвиги музыки подвиговъ славныхъ рыцарей—лирика и эпосъ. Другое дѣло труверъ—этотъ городской житель, врагъ феодализма и феодаловъ, либералъ и гомеристъ по натурѣ. Когда мистеріи только-что начинали обставляться въ XIII вѣкѣ, мы встрѣчаемся уже съ Лаголемъ *) (*Bochu*), оставившимъ намъ оконченный образецъ комической оперы въ *Li Gieus de Robin et de Marion!* Первая его комедія *Le jus de la femillie* очень отрывочна—это скорѣе рядъ сценъ, чѣмъ комедія; но какія типичныя лица, какой юморъ! Отъ всякаго слова, отъ каждаго типа—трактирщика, монаха и *Douce dame* такъ и вѣетъ средневѣковою жизнью! Робенъ и Маріонъ прелестнѣйшая піеска, исполненная простоты и граціи; музыка, съ которою меня познакомилъ ученый піанистъ *Mortie de Фонтенъ*, исполнена свѣжести и веселости. Эту оперетку можно съиграть съ успѣхомъ и въ наши дни на небольшой сценѣ. Роль пастушки и простачка-пастуха милы и наивны. Что сказалъ я о мистеріяхъ перваго періода, то же долженъ повторить и о театрѣ Просвѣты **). Это явленіе весьма интересное въ исторіи «Литературы»; но для развитія драмы прошедшее безслѣдно.

Обратимся къ мистеріямъ послѣдняго періода, по которымъ въ книгѣ г. Веселовскаго собрано довольно матеріаловъ. Сперва ознакомимъ съ ихъ внѣшней стороной, съ ихъ обстановкой.

Представленіе начиналось раннимъ утромъ, если піеса имѣла обширный объемъ (вѣроятно дѣло идетъ о коллективной мистеріи), вообще происходило днемъ и прекращалось при наступленіи сумерокъ; задолго до начала, одѣтые въ свои разнохарактерные костюмы, исполнители

*) Подробно изложено въ *Theatre francais au moyen age* Монмерке; текстъ опубликованъ по манускрипту парижской бібліотеки въ 1839 году.

***) Смори «Литературную мозаику» М. Кубликаго. Лейпцигъ 1860 г. Тамъ театръ Просвѣты разобранъ довольно подробно. Статья составлена по Машелу.

мистерій, безъ различія званія и достоинства изображаемыхъ ими характеровъ.—ангелы вмѣстѣ съ демонами, мученики за вѣру съ жестокими мучителями садились на скамьяхъ за неизменіемъ кулись, на авансценѣ главнаго помоста, въ ожиданіи начала представленія. Зрители располагались на мѣстахъ, подобныхъ трибунамъ, устраиваемыхъ въ наше время при различныхъ процессіяхъ, т. е. состоящихъ изъ ряда скамеекъ, повышающихся послѣдовательно одна надъ другой и расположенныхъ въ прямой линіи, или рѣже амфитеатромъ. Представленіе шло подъ открытымъ небомъ. Двѣ двери вели въ ограду, гдѣ сидѣли зрители; множество восковыхъ свѣчъ освѣщало сцену; наиболѣе свѣтлая часть ея изображала рай, актеры, мужчины и женщины, въ разнообразныхъ костюмахъ видѣлись на сценѣ. Всѣ въ молчаніи ждутъ начала; запавъсь раздвигается на двѣ стороны и зрителямъ представляется громадная туманная масса—это хаосъ; начинается актъ сотворенія міра. Когда мистеріи были изгнаны даже изъ кладбищъ, для ихъ представленія требовалось найдти средство—совмѣстить на небольшомъ пространствѣ изображенія троякаго мѣста дѣйствія передаваемыхъ событій: земли, рая и ада, имѣя въ виду необходимость нагляднаго представленія. Этой потребности удовлетворяло трехъ-ярусное устройство матеріальной сцѣны; земля, колеблющаяся между добромъ и зломъ, помѣщалась въ среднемъ ярусѣ, надъ которымъ возвышался рай, а внизу не затѣйливый механизмъ приводилъ въ движеніе двѣ громадныя челюсти, изображавшія зѣвъ ада, куда отправлялись отверженные грѣшники. Каждый этажъ дѣлился снова на три отдѣленія: въ нижнемъ ярусѣ, представлявшемъ жилище сатаны, въ срединѣ было сообщеніе посредствомъ дверей съ другими отдѣленіями. Изъ ада шли двѣ боковыя лѣстницы въ средней этажъ, изображавшій землю; устройство средняго этажа было многосложнѣе другихъ, по причинѣ большого разнообразія представляемыхъ мѣстностей и значительнаго числа вставочныхъ сценическихъ подробностей. Только одна лѣстница сообщала этотъ этажъ съ верхнимъ, который возводился обыкновенно надъ самой глубиной сцены и не отличался большими размѣрами. .

Весь народъ любилъ принимать участіе въ мистеріяхъ, и были горожане, которые считали за честь исполнять тѣ или другія роли. Такъ сохранилась жалоба одного любителя въ магистратѣ на то, что у него отняли роль чорта, которую онъ нѣсколько лѣтъ исполнялъ съ усердіемъ.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ прослѣдить за всѣми обществами, образовавшимися какъ во Франціи, такъ и въ Италіи. Мы не говоримъ здѣсь ни о братствѣ *Страстей Господнихъ*, ни о *Базошахъ*, ни объ обществѣ *Беззаботныхъ*.—все это изложено обстоятельно въ книгѣ г. Веселовскаго, къ которой мы и отсылаемъ любопытныхъ читателей.

Мистеріи, постоянно видоизмѣняясь, создали много произведеній, извѣстныхъ подъ именемъ *мираклей*, *моралей*. Въ XIV вѣкѣ мы уже находимъ правильную и весьма замѣчательную комедію *Ителленъ*, которая не разъ была переведена и на русскій языкъ. Между небольшими интермедіями и интерлюдіями въ эту эпоху появлялись и болѣе серьезныя произведенія. Такъ поэтъ Паразоль написалъ пять трагедій въ честь королевы Иоанны Неаполитанской *). Нострадамъ, говоритъ, что въ этихъ трагедіяхъ поэтъ не забылъ ничего изъ жизни королевы и представилъ ее отъ самыхъ пѣжныхъ лѣтъ до старости.

Нѣмецкій и англійскій средневѣковый театръ изложены авторомъ разбираемой книги съ большими подробностями; нельзя не пожалѣть только обо одномъ, что, говоря о знаменитомъ баптистѣ Гансѣ Сагсѣ, онъ не позаботился представить нѣсколько образцевъ его поэзіи, какъ онъ это сдѣлалъ для Пателена и другихъ піесъ. Слабѣ всего въ книгѣ итальянскій отдѣлъ. Это произошло, вѣроятно, отъ неумѣнія подъ руками источниковъ. Для исторіи итальянскаго театра мы можемъ рекомендовать сочиненіе Синьоролли: *Storia critica de'teatri antichiet moderni*. Неаполь 1813. Правда, эти десять томовъ представляютъ сырой матеріалъ безо всякой отдѣлки и критики: но онъ безцѣпенъ. Благоразумные и многоученые нѣмцы, такъ хорошо извѣстные г. Веселовскому, заглядывали въ эту книгу часто, но говорили о пей рѣзко.

Отъ человѣка, занимающагося искусствами въ Москвѣ, нельзя много требовать. Наши публичныя и частныя собранія, по этой части, до такой степени скудны, что и сказать нельзя. По части мистерій я знаю только одно рѣдкое изданіе въ библиотекѣ покойнаго С. А. Соболевскаго. да двѣ-три писанныя мистеріи у М. П. Погодина. Во время моихъ частыхъ путешествій, я приобрѣлъ нѣсколько средневѣковыхъ театралныхъ произведеній. прочелъ ихъ при помощи одного швейцарца, знавшаго хорошо романскій языкъ, потому что на немъ говорятъ еще и до сихъ поръ во многихъ деревняхъ нѣкоторыхъ кантоновъ; но это былъ бесполезный трудъ и потерянное время: мистеріи и миракли до такой степени рутинны, однообразны, скучны и вялы, что чтеніе ихъ представляетъ не малый трудъ.

Г. Веселовскій не ограничился изложеніемъ исторіи стараго европейскаго театра, — онъ коснулся и славянскихъ народовъ; но здѣсь зпалъ въ видимое противорѣчіе съ самимъ собою. Увѣренный, что стариннаго театра въ Россіи не было: быть не могло, онъ усиливался доказать какъ бы проблески его существованія; собранныя имъ свѣдѣнія довольно полны и весьма интересны, но, увы, они ничего не доказываютъ, или доказываютъ противное тому, что онъ считалъ какъ бы необходимымъ доказывать. Какъ проста, бѣдна и сурова природа нашего сѣве-

*) Histoire du Théâtre en France par Edouard Foucaud.

ра въ сравненіи странъ, богаче одаренныхъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, такъ и драма, это полнѣйшее и совершеннѣйшее воплощеніе поэзіи является на Руси до нашихъ дней бѣдною развитіемъ формы, небогатою внутреннимъ содержаніемъ и не имѣющею позади себя блестящихъ страницъ шумной и взволнованной жизни. Народный театръ, замершій въ зародышѣ, мистерія, поздно возникающая и быстро сходящая со сцены, псевдо-классическая трагедія, смѣняющаяся комедією правовъ въ стилѣ французскомъ, долгое господство мелодрамы и лже-патріотическихъ представлений, и во всемъ смутномъ мірѣ прекрасныхъ вліяній, направлений и цѣлей, проносятся метеорами одинокіе труды Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя...

Сужденіе совершенно правильное и вѣрное. Къ чему же послѣ этого усиливаться доказывать, что какіе-то новгородскіе ряженые представляли *что-то*, ходя по домамъ. Еслибы разговоры ряженныхъ имѣли что-нибудь опредѣленное, сложились въ какую-нибудь форму, то они дошли бы до насъ, какъ дошли былины и пѣсни; они создали бы какіе-нибудь народные типы въ родѣ Ліака, Пандука Дорсена, Пьеро, Арлекина, Панталона, Вурета и другихъ. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Мы говоримъ о какихъ-то сжигаемыхъ чучелахъ, выводятъ на свѣтъ стараго Ярила, утверждаютъ, что какая-то *Лодочка* древняго происхожденія, появившаяся въ Сибири *) (хороша древность! Сибирь начала населяться при Алексѣѣ Михайловичѣ). Вся эта сбивчивость понятій о народномъ и древнемъ только мутаетъ и затемняетъ дѣло. Трехъ-вѣковой татарскій погромъ давалъ ли просторъ развиваться чему бы то ни было, я уже не говорю объ искусствахъ и театрѣ. А послѣ общество столь долго жившее по Домострою, что—оно потерпѣло бы театр? Пѣтъ не лучше ли начать съ Царя Алексѣя Михайловича, а вѣрнѣе съ того времени, когда явился

. . . тотъ шкиперъ сланный
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормъ роднаго корабля.

Его-то священную память мы и собираемся отпраздновать съ подобающею честію и въ честь его-то юбилея отворятся для всѣхъ двери того храма, который, по счастливому выраженію древнихъ *fidendo castigat mores*.

*) Не могу умолчать о томъ, что одинъ любитель старины очень прогибывался на комиссію по чайной торговлѣ, которая доказала, что чай въ первый разъ ввезенъ въ Россію при Михаи́лѣ Фео́доровичѣ. «А Ермакъ, Ермакъ Тимо́еевичъ! восклицалъ онъ. Такъ что можно было подумать, что Ермакъ Тимо́еевичъ ходилъ въ Сибирь чай расшивать».

«Грустна, грустна наша Россія!» говаривалъ Пушкинъ, проѣзжая не разъ по ея стѣнямъ. Грустна и наша прошлая исторія. Его степенство—русскій народъ вынесъ много на своихъ могучихъ плечахъ, и ему ли, собравшему и создавшему Великое Царство, огорчаться тѣмъ, что онъ драматиченъ менѣе другихъ народовъ! Надѣлилъ его Господь несокрушимымъ здравымъ смысломъ, далъ ему рѣдкій юморъ: мѣткое словцо русскаго человѣка стоитъ французскихъ остроумь...

Въ заключеніе обратимся опять къ книгѣ г. Веселовскаго. Повторяю еще разъ: собранныя имъ свѣдѣнія о мистеріяхъ въ Чехіи и Польшѣ крайне интересны, и интересны еще и потому, что ихъ не всегда найдете у иностранныхъ писателей. Все, что можетъ относиться къ зародышамъ драмы въ Россіи, тщательно сохранено, донесенія пословъ, сказанія иноземцевъ. Указано на небольшое число народныхъ комедій, представлены выписки и сцены. Скажемъ еще разъ: трудъ добросовѣстный и безкорыстный. Авторъ очень хорошо зналъ, что его книга найдетъ мало читателей, еще менѣе покупателей; но онъ не остановился надъ этими практическими размышленіями, а издалъ книгу, за которую ему нельзя не сказать спасибо.

М. Кублицкій.

20 марта
1872.